

Помню, когда мы сыграли трио, публика после концерта спрашивали нас, зачем мы исполняли это антихудожественное произведение. Косенко тактично отвечал: «У автора, наряду с удачами, могут быть и неудачи. Так и у этого композитора. И у него есть что-то интересное».

Собиралась наша тройка аккуратно один – два раза в неделю. Репетиции происходили у Косенко или у меня. На этих репетициях ещё раз учитывались все недостатки, и часто отдельные недоделанные места с удвоенной энергией как бы заново разучивались. Даже и в том случае, когда мы уже неоднократно исполняли то или иное произведение на эстраде, перед каждым концертом, если это произведение включалось в программу, Косенко требовал новой репетиции и повторения нами партий.

Наиболее трудным моментом в составлении программы каждого очередного концерта был выбор сольных номеров певца или певицы. Обычно подбирал певцов к концерту Косенко. Певцы знали наше условие: петь камерный репертуар, а оперный лишь в том случае, если он подходит к намеченной программе. Виктор Степанович обычно говорил так: «Камерные концерты должны быть выдержаны по стилю. Плохо, когда певцы, зная несколько оперных арий, только их исполняют, а не разучивают камерные произведения, которыми так богата наша отечественная и зарубежная литература. Это свидетельствует об ограниченности и малой культуре таких певцов».

¹ Продолжение. Начало см. журнал «На русских просторах» № 2 (37) 2019 г., № 3 (38) 2019 г., 4(39) 2019 г.

² Окончание. Начало см. журнал «На русских просторах» № 1 (40) за 2020 год.

«Пойте, – говорил Косенко певцам, – Шуберта, Чайковского, Глинку, Римского-Корсакова, Бородина, Рахманинова, Лысенко. У нас ведь имеется богатейшая камерная литература для Вас. Пойте наших советских композиторов – ими написано много замечательных произведений».

Прекрасной камерной исполнительницей в наших концертах была известная колоратурная певица С.К. Мрозович – редкостная исполнительница классического репертуара. В концертах она исполняла произведения Шуберта, Моцарта, Бетховена, Чайковского, Грига. Случайными обстоятельствами занесённая в Житомир, эта прекрасная певица, одно время с большим успехом выступавшая в Киевском оперном театре, была украшением наших концертов и доставляла нам и публике огромное наслаждение. Мрозович, конечно, с успехом исполняла партии Розины («Севильский цирюльник»), Виолетты («Травиата»), Антонида (Иван Сусанин). Из певцов и певиц, выступавших у нас в концертах, отмечу Л. Зайцеву, М. Репкину, Л. Рябенко-Корженевскую, В. Хоржевскую, А. Пожарскую, Л. Скорульскую, В. Стахова, И. Ляшевича. Это были хорошие вокалисты, учившиеся пению в консерваториях или у известных педагогов (Муравьёвой и др.)

За весь период нашей деятельности мы дали 50 камерных концертов в зале 7-ой житомирской школы, кроме концертов, данных в других залах и клубах. Всего за период нашей деятельности мы дали более двухсот концертов. В репертуаре нашего камерного ансамбля были следующие трио: Глинки, Рубинштейна, Аренского, Чайковского, Рахманинова, Танеева, Гречанинова, Косенко, Катуара, почти все трио Бетховена, Моцарта, Шумана, Шуберта, Сен-Санса, Шопена, Рославца, Лятошинского, Дворжика. Кроме того, нами исполнялись квартеты, квинтеты, сексеты (Дворжака, Грига, Бородина, Гуммеля, Шумана, Бетховена, Гайдна).

«Новая музыка» у нас была представлена Мясковским, Прокофьевым, Стравинским, Равелем и показом украинских композиторов: Ревуцкого, Лятошинского, Скорульского, Косенко. Я не могу не отметить, что последнее разученное нами трио Равеля имело огромный успех.

Прошли годы. Наше трио перестало существовать. В 1929 году оно распалось, когда обстоятельствами служебной деятельности, мы оказались территориально разобщёнными. И сейчас, после столь длительного отрезка времени, я сохраняю, как и многие, кто знал В.С. Косенко, его прекрасный образ музыканта и человека, несомненно, одарённого, вошедшего в историю нашей украинской

музыкальной культуры. И невольно задаёшь себе вопрос, чем вызвано было к жизни такое исключительное дарование, такая музыкальность?

Огромное влияние на Косенко – ребёнка оказала родная семья: мать была хорошей пианисткой, отец – знаток и любитель музыки – обладал хорошим голосом и любил петь украинские песни, Сестра училась в Варшавской консерватории по классу рояля и, наконец, братья Александр и Семён хорошо пели – тенор и баритон.

Музыкальное образование Косенко получил в Петроградской (тогда) консерватории; он учился у известного педагога проф. И.С. Миклашевской, а по классу композиции – у проф. Соколова. Обстоятельства военного времени забросили Косенко, как мы говорили, в Житомир. А знакомство с Ангелиной Владимировной Канеп определило его дальнейшую судьбу, и он остался в Житомире.

В Житомире Косенко работал в музсекторе политпросвета, затем был чертёжником (производил съёмки планов земельных участков и пр.) и притом был великолепным чертёжником – художником. Сделанные им съёмки поражали специалистов точностью рисунка, чудесными виньетками и общим каким-то изящным исполнением. В поисках заработка Косенко приходилось играть и в кино. И здесь его импровизации часто привлекали большее внимание зрителей, чем демонстрируемый фильм. Я знаю, что в период 1919 – 1925 гг. Косенко материально очень нуждался. Только лишь концерты от случая к случаю давали ему некоторую материальную поддержку. Несколько поправились денежные дела семьи Косенко, когда он стал печататься. Но и после этого Виктор Степанович часто сидел без денег.

Жена Косенко Ангелина Владимировна, обаятельная и чуткая женщина, была его подлинным другом. Незаметно и очень тактично она направляла его творческую работу, создавала ему обстановку, в которой он мог творить. Она была другом – советчиком в сокровенных мыслях композитора. Можно утверждать, что А.В. Косенко чутьём угадала в Викторе Степановиче большое дарование художника – композитора и всю жизнь посвятила ему. Любовь этих двух сердец была полна какой-то особенной прелести и красоты.

«Любить надо уметь, любить надо так, чтобы испытывать счастье, что вдыхаешь аромат цветка из рук любимой женщины», – так понимал свою любовь Виктор Степанович. Он всегда был трогательно внимателен к Ангелине Владимировне, и когда обращался к

ней со словами, то всегда начинал их нежным словом «Галюшенька». Многие фортепианные и вокальные произведения появились в свет, благодаря Ангелине Владимировне. Ей он посвятил многие свои произведения. В первый период своего творчества В.С. Косенко произведения свои хранил в памяти и не записывал их. Просьбы не помогали. Виктор Степанович говорил: «Пусть уляжется в голове и я запишу».

Когда мы приходили на репетицию, Ангелина Владимировна уже успевала нам сообщить, что Витя создал новую вещь, играл её, но не успел записать. Общими усилиями мы заставляли Виктора Степановича записать новое произведение. Делалось это так: мы просили Виктора Степановича сыграть новый его этюд или прелюд, а затем обращались к нему с просьбой дать посмотреть эту вещь. Когда мы узнавали, что этюд ещё не написан, мы, тут же, все возмущённые, ходили по комнате и «требовали», чтобы Виктор Степанович сегодня же сел за нотную бумагу. Согласие, наконец, давалось, мы быстро расходились, а Виктор Степанович целый вечер, иногда всю ночь напролёт, сидел за столом, окутанный густыми клубами табачного дыма (он тогда курил, потом бросил). Так, однажды в течение вечера он записал полностью сонату для рояля. Точно также была в течение вечера и ночи записана, уже давно продуманная скрипичная соната, мне посвящённая, подлинник которой с собственноручной надписью Виктора Степановича хранится у меня. В ближайшем концерте соната была мною исполнена. За роялем был, конечно, автор.

В домашней обстановке Косенко был весёлым, жизнерадостным хозяином – хлебосолом, уверявшем меня, что лучшее на свете блюдо – это макароны, что самое вкусное сладкое – это макароны с сахаром. Он способен был весело играть с детьми, тормошить маленькую собачонку – Туську, восхищался моим сенбернарром Шариком, огромным красивым псом, обычно появлявшимся в комнате по просьбе Виктора Степановича. Он с интересом наблюдал певчих пернатых, живущих у меня в комнате и, если репетиция устраивалась днём (обычно в воскресенье), просил показать ему купание дроздов. А это было действительно забавное зрелище. Дверцы в клетках, где жили дрозды чечётки, щеглы, чижи, синицы, снегيري и зеленушки открывали настежь, а на полу оставляли большую тарелку с водой. Певчие птицы – большие любители купания, и, как только дверцы в клетках оказывались открытыми, они устремлялись на пол к тарелке с водой. Но тарелкой сразу же овладевали дрозды. Они как-то особенно подбирали под крыло

воду, разбрызгивали её и, увлекшись, точно баловались. В конце концов, птицы становились мокрыми и имели довольно жалкий вид. Без смеха нельзя было смотреть на это купанье, к которому затем присоединялись и другие птицы, в первую очередь чижи и чечётки. Виктор Степанович так увлекался этим зрелищем, что не хотел уходить из комнаты. Приходилось взывать: «Давайте, начнём репетицию».

У меня зимовал на кухне сделавшийся ручным и даже нахальным аист. Он всюду совал свой длинный клюв. Для Виктора Степановича было величайшим удовольствием следить, как я, по его просьбе, бросаю рыбёшки аисту, а тот на лету их ловко хватает и тут же глотает. Когда мы уходили, аист под общий хохот следовал за нами и по дороге, подпрыгивая, распускал крылья, очевидно, требуя ещё рыбы и, случалось, оставлял на полу свою весьма заметную «визитную карточку». Виктор Степанович был в восторге от аиста, а старушка – няня, жившая у нас, вытирая пол, ворчала, что «взрослые люди, к тому же гости, балуются с птицей, как дети». Виктор Степанович с интересом любил рассматривать большую коллекцию бабочек моего сына. Они поражали его красотой окраски. А глядя на Ванессу антиопу – чудесную кофейно-бархатную дневную бабочку с голубыми крапинками на светло-желтой кайме крыльев, говорил: «Это же музыка красок; я точно слышу чудесную мелодию, когда гляжу на Ванессу». И нам снова, как на смотре купания птиц, приходилось «оттягивать» Виктора Степановича, чтобы продолжить репетицию. Что нас всех поражало – это способность Виктора Степановича с любовью и увлечением заниматься музыкой с детьми. Если ученик попадался толковый, то Виктор Степанович способен был заниматься с ним подолгу. Неслучайно им написано два сборника фортепианных пьес для детей: первый включает 4, а второй – 24 пьесы. Дети очень любят пьесы, для них написанные: «Песня октября», «Мама купила мишку», «В школу». Это действительно маленькие шедевры.

У Виктора Степановича была огромная музыкальная эрудиция и память. Он знал классиков, великолепно чувствовал все оркестровые инструменты, лично неплохо играл на валторне и мог по памяти воспроизводить отрывки из любого, даже раз услышанного произведения.

По протекции В.Ю. Коломойцева мы познакомились однажды с одним каноником (бывшим, кажется, законоучителем 2-й гимназии) специально для того, чтобы получить разрешение для Ко-

сенко поиграть на костёльном органе. Мы были просто потрясены, когда услышали токкаты и фуги Баха в исполнении Косенко на органе. Он, оказывается, владел этим инструментом в совершенстве, хотя и говорил, что на органе он играет, лишь как любитель.

Косенко – замечательный мастер романса. И аккомпанемент к ним, как у Рахманинова и Чайковского, написан с глубоким настроением. Поэтому, когда исполняют романсы Косенко, то слушатели внимают не только вокалисту, но и пианисту. В своих романсах Косенко обращался к Пушкину, Блоку, Апухтину, Тычине, Голенищеву-Кутузову, А. Толстому, Есенину и другим поэтам. Но особенно Косенко обожал Пушкина, вот почему он написал немало романсов на слова великого поэта. Ему нравился «Левый марш» Маяковского, к которому он даже задумал написать музыкальный текст. Он постоянно просматривал тексты записей народных украинских песен. «Мне очень близка теплота и задушевность украинской народной песни», – говорил Косенко. «Ведь это песни о жизни трудового народа, о его думах, чувствах и стремлениях, о его радости и горе».

Очень часто заглядывал Косенко в «Музыкальный словарь» Римана. Любил цитировать места из переписки Чайковского с Н.Ф. Фон Мекк. Выходившие и ранее вышедшие музыкальные монографии он где-то доставал, жадно прочитывал их и сейчас же делился впечатлением. Мы часто видели Косенко углублённым в только что полученный номер свежего музыкального журнала.

Нам, его друзьям и пианистам-профессионалам, нравилась удивительно благородная манера игры Косенко. Он держался у рояля ровно, слегка наклонив голову. Играл, не раскачиваясь, но всегда вдохновенно, ни на кого не глядя. Только расширенные ноздри, сжатые губы и тонкая улыбка, или закрытые глаза свидетельствовали о том переживании, которое он испытывал во время игры. Увлечённый, он мог играть, не отрываясь от рояля, несколько часов.

В.С. Косенков совершенстве знал фортепианную литературу. Он блестяще играл фортепианные концерты Шопена, Чайковского, Грига, Рахманинова; знал всего Шопена; с блеском играл Листа; очень тонко передавал Скрябина, особенно его ранние произведения. Про «позднего» Скрябина Косенко говорил: «Этого Скрябина я не могу понять».

Были у Косенко, да и у нас, участников трио, недоброжелатели. Так, некоторые местные музыкальные деятели называли нас «недурными любителями», а кое-кто твердил, что Косенко ди-

летант, мало знакомый с техникой композиции. Но так говорили завистники, особенно те, которые, выступая в качестве солистов, не имели у слушателей успеха, поэтому организаторы концертов обычно не приглашали их, а обращались к трио Косенко – Скороход – Коломойцев. Интересно отметить, что Косенко никогда не хулил своих обидчиков, даже в нашем тесном кругу. Он говорил: «Раз так о нас говорят, значит у высказывающихся есть своё мнение. Не будем на них обижаться».

Был среди наших посетителей и своеобразный «покровитель». То был местный преподаватель пения в учительской семинарии и регент церковного хора, слабенький музыкант, но большой любитель музыки, у которого хор учащихся всегда пел на церковный лад; он пытался одно время быть идейным руководителем музыкальной жизни Житомира. Виктору Степановичу он советовал не играть Рахманинов, Скрябина, Чайковского и Шопена. Это «мол, не наши композиторы», - уверял советчик. Но и этот церковный регент не мог отказать Виктору Степановичу в таланте и мастерстве. Виктор Степанович знал мыслишки регента, однако не обижался и лишь в шутку называл его в нашем кругу «Корытом».

Мы долго однажды смеялись, когда узнали, какую оценку дал этот регент музыкальной жизни Житомира кому-то из наших друзей. По его мнению, в Житомире есть три композитора: один – композитор из Коростышева (что за личность, мы так и не узнали), другой – это он и третий – молодой начинающий композитор Косенко.

Игра Косенко была изумительной. Самым замечательным было то, что даже плохонький рояль у него как-то особенно звучал, пел. Все слушатели, как один, это чувствовали. Мы же, музыканты, видели, что перед нами большой артист. Обычно скромный, всегда желавший быть как бы в тени, Косенко, когда садился за рояль, сразу приковывал к себе внимание. Толпа, часто разношерстная, не всегда бывала внимательной и подготовленной к слушанию «серьёзной» музыки. Но, как только Косенко садился за инструмент, он сразу покорял эту толпу. Она переставала быть «толпой» и вся как бы устремлялась к этому скромному человеку и следила за ним.

Я помню один интересный случай. К нам обратился Комсомол с просьбой выступить с концертом перед комсомольцами. Мы решили играть на этом концерте бравурные вещи. Я должен был играть «Полонез» Венявского. Когда я вышел с Косенко на эстраду, перед

нами было бушующее море молодых голов – весёлых, смеющихся. На балконе стоял необычайный шум. Кричали: «Тише, тише», но молодёжь с трудом успокаивалась. И вот Косенко сел за рояль. В зале сразу всё стихло. Слегка наклонив ко мне голову, Виктор Степанович шёпотом мне сказал: «Мы будем играть не «Полонез», а «Вокализ» Рахманинова. Скажите им несколько слов о «Вокализе» и начнём».

«Вокализ» мы часто играли, и обычно Виктор Степанович аккомпанировал его без нот. Кстати, он первый в скрипичной литературе сделал транскрипцию этого произведения, когда в печати ещё не было таковой. У меня имеется эта транскрипция, написанная рукой Косенко. Я обратился к молодёжи: «Товарищи, мы исполним произведение одного из крупнейших композиторов нашего времени Рахманинова. В этом произведении много грусти и, вместе с тем, оно зовёт нас к жизни. Мы все с Вами ещё полны грустных воспоминаний о тяжёлых днях, которые переживал наш город, защищаясь от всякого рода черносотенных проходимцев и банд. Наша первая мысль должна быть направлена к павшим братьям. Исполняя эту вещь, мы и хотим создать у Вас это настроение скорби о павших братьях – бойцах». Моё слово сразу «успокоило» аудиторию, и она затихла. Косенко, как бы вскользь мне сказал: «Не смотрите в зал, напрягите всю свою волю, играйте вдохновенно – нас будут слушать».

Играли мы действительно хорошо, и именно потому, что Косенко умел создавать в ансамбле особенное настроение и им увлекал и исполнителя и аудиторию. Когда мы кончили, нам так аплодировали, что мы должны были несколько раз выходить на сцену. Далее играл В.Ю. Коломойцев и, наконец, мы исполнили первую часть трио Мендельсона. После концерта к нам приходили молодые люди и девушки, долго жали нам руки и благодарили.

Должен сказать, что такой же тёплый прием мы встречали и среди красноармейских частей. Нас часто звали в школу Красных командиров 44-ой краснознамённой дивизии, в 55 школу комсостава (она помещалась в здании бывшей духовной семинарии), в Богунский и Таращанский полки, в части Губчека, даже в тюрьму к заключённым.

Концерт в тюрьме! Это было уже совсем необычное выступление. Мы прошли через всякие преграды в сопровождении конвоиров и, наконец, очутились в довольно большом помещении, где на скамейках сидели заключённые. На возвышении находился рояль. Нас слушали так внимательно, как мы и не ожи-

дали, и аплодировали нам долго – долго. Когда мы закончили своё выступление, то услышали раздававшиеся всюду голоса: «Спасибо»! А кто-то из администрации тюрьмы, обращаясь к нам, сказал: “Благодарим Вас, Вы сделали большое дело, ведь музыка настраивает человека к хорошему, а не к плохому, а у нас ведь здесь осуждённые».

Меня часто спрашивали артисты, музыканты, музыковеды и аспиранты, избравшие темой своей диссертации тот или иной вопрос, связанный с творчеством В.С. Косенко: Вы хорошо знали В.С. Косенко, какие этапы можно отметить в творчестве Косенко?

На этот вопрос, мне кажется, можно ответить так. Косенко, как и всякий художник, прошёл известный творческий эволюционный путь.

Первый этап его творчества связан с влиянием Рахманинова, «раннего» Скрябина, Шопена, Чайковского, которых он горячо любил. В то же время первый этап творчества Косенко как художника – это этап лирический, полный глубокого переживания любви к А.В. Канеп (впоследствии его жены). Ей он посвящает очень много своих произведений. Это этап создания малых форм, главным образом фортепианных произведений и романсов, хотя уже и тогда Косенко задумывает произведения большого плана; они у него закладывались ещё в период пребывания в Петроградской консерватории.

Второй этап связан с глубоким осмыслением создаваемых произведений, обращением к революционной тематике («На майдане», «Памяти борцов Парижской коммуны»); к сложным формам (соната для скрипки, концерт для фортепиано с оркестром). И в этот период Косенко остаётся лириком, мелодистом: его романсы «Я Вас любил», «Я пережил свои желанья», «Вечерняя песня», «Старинная песня». Этот этап связан с переломом, который наступил в жизни Косенко в связи с переездом в Киевский музыкально-театральный институт им. Лысенко, далее реорганизованный в Киевскую консерваторию им. П.И. Чайковского, куда он был приглашён в качестве профессора.

Третий этап связан с созданием больших и малых форм глубокого социального смысла: «Гибель эскадры» – симфония к пьесе А. Корнейчука, «Героическая увертюра», в которых воспеваются легендарный полководец Щорс, «Революция», пять песен, посвящённых киевскому заводу «Большевик», романс «На майдане» на слова П. Тычины, романс «Памяти борцов Парижской Коммуны» на текст Невежиной, романс «Послание в Сибирь» на текст

Пушкина и другие. Как видим, Косенко часто обращается к современной тематике: пишет красноармейские песни, романсы на революционные сюжеты, песни на темы о труде. В музыкальных произведениях этого этапа Косенко обращается к современной жизни – он воспевает радость наших строек, любовь к Родине.

Для характеристики Косенко следует добавить, что уже в первые годы революции он выступает как пламенный патриот своей Родины. Сколько раз мы вместе негодовали, когда наш город захватывали белогвардейские банды. Косенко высказывал скорбь по поводу еврейских погромов, которые учиняли петлюровцы в Житомире. Он ненавидел врагов советской власти.

Косенко был подлинным советским музыкантом-художником. Так говорили о нем все, кто общался с ним: известный скрипач Вольф-Израэль, скрипач – солист Ленинградского театра оперы и балета Н. Карант, пианисты Л. Сирота, Ю. Брюшков, прославленный скрипач нашего времени Давид Ойстрах, московская колоратурная певица Е.В. Добровольская, певица О. Колодуб, народные артисты И.С. Паторжинский, М.И. Литвиненко – Вольгемут и многие другие. Годы жизни Косенко в Киеве были связаны узами дружбы с выдающимся композитором Л.Н. Ревуцким и замечательным певцом нашего времени И.С. Паторжинским, которому Виктор Степанович посвятил романс «Послание в Сибирь» и обработки народных украинских песен: «Взял бы я бандуру», «Ой, поехал за снопами» и др.

В одном из писем ко мне Косенко писал: «Советский художник, советский музыкант не может существовать изолированно от народа, его интересов и запросов. Советский музыкант – это художник всего трудового народа». Этими словами Виктор Степанович как бы определил свой творческий путь артиста и гражданина.

Я не присутствовал при встрече умирающего Косенко с Никитой Сергеевичем Хрущёвым, вручившим ему на квартире орден Трудового Красного Знамени, но мне рассказывала его жена, что Косенко был тронут таким к нему вниманием, пытался встать, от радости и благодарности плакал.

Высокая оценка Советским правительством творчества композитора подняла его уже угасавшие силы и он был полон творческих замыслов, хотел писать выращиваемую им с 1929-го года оперу на сюжет шевченковской «Марины». Смерть прервала мечты композитора. 3-го октября 1938 года Косенко скончался в расцвете своих творческих сил на 42-м году жизни.

От публикатора:

Квартира, где жил композитор в советское время была превращена в музей-квартиру, благодаря приёмной дочери Косенко – Раисе Эдуардовне Канеп, работавшей редактором в журнале «Радянська Україна».

Р.Э. Канеп с Т. Гуменюк в музее-квартире, 1978 год.

На фронте дома по улице Коцюбинского в Киеве, где жил и умер композитор, установлена по решению правительства УССР мемориальная доска.

Санкт-Петербург